
BOOKTRAN
БРЕНДОН САНДЕРСОН
ДЭН УЭЛЛС
ИНОЗВАТЕЛЬ

Информация о переводчиках

Перевод и редактура: zhuzh, Anahitta, marmax

Booktran, 2026 г.

Интересные новости о творчестве Брендона Сандерсона:

www.vk.com/b.sanderson

https://t.me/BooktranBrandonSanderson

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект,
добро пожаловать на www.booktran.ru

Предисловие

Одно время я собирался включить этот эпизод в текст «Слов сияния». Это рассказ о том, как Ясна выживала в Шейдсмаре, пока в физической реальности все пытались разобраться с Сзетом и духокровниками. В конце концов я решил, что книга только выиграет, если Ясна не будет отвлекать внимание читателя. Мне хотелось, чтобы Шейдсмар стал важной частью «Давшего клятву», так что логичнее было приберечь его для третьей книги.

Приняв это решение, я пообещал себе, что рано или поздно опишу приключения Ясны. Однако время шло, а подходящий момент все не наступал. Даже когда я написал повести «Гранетанцор» и «Осколок зари», эта история так и оставалась в планах с пометкой «надо сделать когда-нибудь потом». Когда мы с Дэном сели за работу над коллекционными карточками, я сразу понял, что хочу рассказать в первую очередь.

Я не могу приписать себе все заслуги. Мои наброски для Дэна свелись к тому, что мы сели вместе и я на словах обрисовал общую канву сюжета, без конкретных деталей. Думаю, от этого рассказ только выиграл. Будь у меня пошаговый план, расписанный до мелочей, пришлось бы писать все самому. А так у Дэна появилась отличная возможность дебютировать в качестве автора по Космеру. Я же должен был убедиться в том, что история не противоречит канону, голос Ясны выдержан верно и что текст закрывает нужные пробелы. (Кстати, голос Ясны Дэн поймал сразу, а вот над Айвори пришлось попотеть.)

Работа над рассказом принесла мне огромное удовольствие, хотя поначалу я очень переживал, доверяя другому автору (пусть даже Дэну) работу над «Архивом буресвета». Но прочитав первые страницы, я понял, что все получается как надо, и наконец-то выдохнул. Это был один из самых ярких моментов года. А дальше начались обсуждения, споры и рождение новой истории прямо на глазах.

Отдельно стоит упомянуть Тивнери — таинственного незнакомца, которого встречает Ясна. Эта встреча куда важнее, чем кажется на первый взгляд, хотя причины тут скорее личные. Тивнери — персонаж из самого первого (так и не опубликованного) романа Дэна. Он написал его десятки лет назад, когда мы состояли в одной писательской группе. И именно Тивнери в свое время вдохновил меня на создание Ясны. Меня заворожила идея историка в фэнтези-мире. Казалось, авторы незаслуженно обходят эту тему стороной: для нас фэнтези-миры — это история, но для самих персонажей все события происходят здесь и сейчас. Для них история имеет совсем другое значение.

Когда мы продумывали детали сюжета, я сам предложил Дэну ввести Тивнери. Мне было искренне жаль, что его книга затерялась во времени и вряд ли когда-нибудь увидит свет. Зато теперь Тивнери путешествует по Космеру, и читатели смогут с ним познакомиться. Мне показалось очень символичным, что

он направляет и поддерживает героиню, для которой сам когда-то стал прообразом.

Не хочу спойлерить, но если в будущем Дэн решит написать другие книги по Космеру, я бы советовал вам внимательно следить за Тивнери.

Инозватель

Ясна очнулась как раз вовремя, чтобы узнать, как это больно, когда тебя бьют сталью в грудь.

Она уснула за книгой в надежде найти хоть какой-нибудь факт, который притупит проникший в сердце страх. Вслед за страхом в сердце проник длинный тонкий клинок.

Что происходит?

Пахло дымом и кислым потом от немытых тел. Подняв взгляд, она увидела троих громил с топорами наготове. Как они пробрались в ее комнату? Нет, в каюту. Она на «Усладе ветра». Везет Шаллан на встречу с… Адолином? Нет, Далинаром.

«Бури! Почему так трудно думать?»

Боль в груди была невыносимой, силы будто утекали.

Сквозь распахнутую дверь Ясна увидела связанных моряков. Они тщетно пытались освободиться. Мимо сновали другие головорезы.

— Буресвет, — прошептал Айвори ей на ухо. — Исцелись, Ясна. Иначе смерть твоя — будет.

Еще рано. Она взглянула на нависших мужчин, на их руки, стиснувшие топоры, на побелевшие костяшки. Они ждали, пока она начнет исцеляться, словно их предупредили заранее.

«Духокровники. Пусть думают, что победили. Займусь собой позже, когда убийцы уйдут. Сколько можно откладывать исцеление, чтобы не погибнуть?»

Ясна попыталась притвориться мертвой, но боль в груди была слишком сильной. Попробовала вдохнуть, но поперхнулась кровью. Она обмякла, отдавшись нарастающей слабости. Сердце гнало кровь на пол, в глазах темнело и расплывалось, звуки стали ватными. Все в ней кричало «исцелись!», но она выжидала. Еще рано.

— Мертва, — сказал один из громил. Голоса доносились будто сквозь завесу.

— Удостоверьтесь, — бросил другой.

В грудь вонзился второй нож, проскрежетал по ребрам и уткнулся в деревянную палубу.

— Сейчас, Ясна! — Шепот Айвори пробился сквозь смертный туман. — Исцелись сейчас!

«Еще рано. Нужно... подождать».

До нее доносились крики и глухие удары, но она не понимала, что они означают. Тело казалось невесомым, а может, она и вовсе его покинула.

«Чего я ждала? Чего-то важного. Но теперь я свободна... И могу отправиться, куда хочу... Достаточно просто отпустить, уплыть...»

— Ясна!

При звуке своего имени она вернулась к реальности. Зрение отказало. Неизвестно, наблюдают ли за ней убийцы или ушли к другой жертве. Зато известно точно: если она попытается исцелиться при них, ее убьют снова. Чтобы восстановить силы, нужно всего мгновение, но в это мгновение она беззащитна.

«Можно перенестись в Шейдсмар, исцелиться, а потом вернуться и сразиться».

Это непросто, но ей не впервой. Ясна вобрала весь буресвет из мешочка со сферами, потянулась разумом к краю мира, ухватила его, подняла и перевернула, как страницу. Крики и хаос исчезли. Она приземлилась с глухим стуком.

— Радость моя — есть, — произнес Айвори. — И благодарность.

Ясна направила буресвет на исцеление и задохнулась от волны боли. Тело восстанавливалось. Через считанные секунды вернулось зрение.

— Осторожно.

Айвори был теперь человеческого роста, его чернильная кожа слабо отливала перламутром. В руке он держал меч из того же темного материала.

— Пользуешься буресветом — враги будут.

Клинок — длинный нож — вывалился из груди и со звоном упал на темную обсидиановую землю. Вокруг высились узловатые деревья из кристаллов. Кости, мышцы и органы срастались. Ясна выкашляла последнюю кровь из уже здоровых легких.

«Теперь есть время немного поразмыслить».

Вокруг мерцали огоньки — души всех, кто находился на «Усладе ветра». Ближние бусины соответствовали предметам на борту: в когнитивной реальности даже у неодушевленных объектов есть отражения. Ясна попыталась сесть. Руки и ночная сорочка были залиты кровью. Сколько она потеряла? Сколько крови нужно телу, чтобы нормально функционировать? Она попыталась встать, но не получилось.

— Ненавижу слабость.

Айвори невесело рассмеялся.

— Сидеть и разговаривать сразу после смерти? Много ли людей сочтут это слабостью?

— Мой отец.

— Я с ним не знаком.

Ясна оперлась о ближайшее дерево и снова попыталась подняться. На этот раз получилось. Головокружение прошло. Она проверила запас буресвета: гораздо меньше, чем хотелось бы.

— Преисподняя!

— Что-то плохое — есть?

— Мы в ловушке, — выдохнула она. — Буресвета не хватит, чтобы вернуться домой.

— Это мой дом.

— Ты понимаешь, что я имею в виду. — Ясна отпустила дерево, мысленно кляня себя за то, как легко держится на ногах. — Почему я не приберегла буресвет и не потратила на исцеление чуть меньше?

— Если буресвета — нет, выход один — перпендикулярность.

— Что это?

— Место, где мой мир встречается с твоим. Море Оракулов.

— Где это на Рошаре?

— Пики Рогоедов.

— До них недели пути! Мы не успеем помочь Шаллан. Может, она уже мертва.

Ясна огляделась, будто ожидая, что решение появится само собой. На глаза попался лишь нож, которым ее едва не убили, покрытый ее же кровью. На Рошаре он пригодился бы, но здесь? Она отмахнулась от парящих огоньков и вдруг поняла, что в них и заключается ответ.

— Есть идея.

— Ты можешь вернуть нас?

— Я могу помочь Шаллан. Эти огоньки — люди на корабле, а бусины — веревки, которыми они связаны. Буресвета как раз хватит, чтобы превратить веревки в воду.

— Убедить предметы измениться — сложно...

— Не для меня.

Ясна потянулась к бусинам, нашла веревки и отдала приказ. В мгновение ока матросы оказались на свободе. Она почувствовала их души сквозь свет. Матросы вскочили, торжествующе взревели и... упали.

«Что происходит?»

Все падало — люди, предметы, крысы в трюме — все, кроме корабля. Потому что корабля не стало. Ясна искала его, ощупывая бусину за бусиной, но вокруг была только вода.

— Нет! Бури, Шаллан! — Она закатила глаза. — Дурочка! Я только что тебя спасла!

— У нее был тот же план, что у тебя.

— Самый глупый вариант моего плана. Растворить весь корабль? Недальновидная кремоголовая девица!

Ясна нашла огонек Шаллан и сердито ущипнула его.

— И что теперь? Будешь тонуть посреди океана?

— Берег близко, — сказал Айвори. — Слышу бусины.

«Если мы у моря, — вспомнила Ясна, — значит, они у суши».

По сравнению с физической реальностью в Шейдсмаре все наоборот: где суша — вода, где вода — суша. Только «вода» Шейдсмара — это море бусин. Она напряженно следила за парящими огоньками, пытаясь понять, выплывут ее попутчики или пойдут ко дну.

— Буресвета больше нет, но мы можем...

— Нет, не можем. — Айвори коснулся ее плеча. Ясна обернулась и посмотрела, куда он указывает. — Твое духозаклинание привлекло внимание.

Вдалеке между кристальными деревьями мелькали два темных силуэта. Они скакали по обсидиану, как огромные рубигончие на охоте. На каждом тускло светилось по четыре глаза.

— Что это?

— Спрены гнева. Не нужно, чтобы они нас настигли.

— Согласна.

Айвори указал в другую сторону.

— В море бусин — свет. Лодка — есть.

— Тогда бежим.

Ясна сделала несколько шагов, но резко остановилась и вернулась, чтобы подобрать окровавленный нож.

— На всякий случай.

— Спрены гнева — здесь! — Айвори потянул ее вперед. — Пришли на твой свет, ведомы твоей яростью. Успокойся, или мы станем их едой!

Ясна оглянулась и увидела их четче: ужасающие фигуры из черного камня с торчащими лезвиями, как белоспинники размером с чулла. Она подобрала подол ночной сорочки и бросилась бежать босиком по каменистой пустоши вслед за Айвори.

Они взобрались на невысокий холм. Ясна увидела свет, о котором говорил спрен: по морю бусин скользил изогнутый треугольник, похожий на парус.

— Откуда нам знать, можно ли им доверять?

— Мы — не быстрые. Они — да.

Ясна задыхалась, но не сбавляла скорости.

— Они нас подберут?

— Зачем ты спрашиваешь меня?

Ясна нахмурилась, но сзади донесся вой спренов гнева. Она сложила руки рупором и прокричала:

— Эй! Эй, на помощь!

Лодка качалась на волнах.

— Они нас не слышат.

Берег был уже рядом, но лодка не двигалась.

— Когда доберемся до воды, держись за мной, — сказал Айвори. — Возможно, я смогу...

— Смотри!

Судно развернуло сияющий парус и рвануло к берегу. Ясна не мешкала — нырнула в бусины по пояс и побрела навстречу. Айвори следовал за ней.

Снова вой. Спрены гнева подобрались совсем близко. В физической реальности они выглядят как сгустки крови, почему здесь все иначе? Ясна оглянулась: один перевалил через гребень, кровь стекала с пасти вязкими нитями.

— Прелестно.

Она глянула на лодку, та была уже совсем рядом: футов тридцати в длину, с одним-единственным сияющим парусом. Рыбацкая? Водятся ли здесь рыбы? Бусины уже доходили ей до подмышек, еще несколько шагов — и будут по горло. Айвори обогнал ее и почти добрался до лодки. Человек в плаще с накинутым капюшоном тянул руку навстречу. Рука была зеленой.

За спиной раздался грохот, но Ясна не осмелилась обернуться. Еще шаг — и она ушла под бусины с головой, барахтаясь в поисках опоры и воздуха. Две руки подхватили ее и затащили на борт.

— Лориета! — крикнул мужчина. — Тяни изо всех сил на правый борт!

На корме маленькая девочка откинулась назад, всем весом налегая на веревку. Ясна обернулась и оказалась лицом к лицу с кошмаром. Спрен навис над лодкой, в считанных дюймах сочилась кровью пасть с огромными зубами. Ясна вскрикнула и отшатнулась. Спрен ударил когтистой лапой ей по ноге, разорвав ночную сорочку. Рана вспыхнула огнем.

— Лориета!

— Стараюсь! — огрызнулась девочка.

Айвори навалился на парус. Спрен гнева взревел и снова попытался добраться до Ясны. Над челюстью у него был гладкий безликий панцирь, красные глаза зловеще светились сквозь хитин. Подоспел второй спрен гнева и потянулся к борту, но лодка вдруг отвернула, поймала ветер и скользнула в открытое море.

«Это не ветер. Здесь не бывает ветра».

Спрены гнева остались позади, но оторваться от них не удалось. Они держались за лодкой, сверкая глазами и хлеща хвостами.

Лодка была ярдов десяти в длину и не больше двух в ширину. Невысокие борта, ряд скамей. Весла имелись, но главной движущей силой был сияющий парус, закрепленный на мачте в центре. Ясна хотела расспросить о нем, но Айвори, как обычно, задал менее научный, зато куда более насущный вопрос:

— Ты — зачем?

— Ты имеешь в виду, кто я? — переспросил мужчина.

— Да, — ответил Айвори. — Но и зачем — тоже.

— Он имеет в виду, зачем вы здесь, — пояснила Ясна, перевязывая ногу найденной тряпкой. — Он чернильный спрен; они так говорят. Со временем привыкаешь.

Незнакомец оглянулся. Спрены гнева сверкали глазами, но держали темп. Он повернулся обратно к Ясне, чуть расслабился и откинул капюшон. Лицо у него было такое же бледно-зеленое, как руки. Волосы — тоже зеленые, но темные, как мох, и с проседью. Уши — длинные и заостренные.

— Охотники они упорные, — сказал старик, — но, думаю, пока мы в безопасности.

— Подозрение — есть. — Айвори указал мечом. — Вы оказались именно там, где нужно? Сразу после нападения?

Лицо старика не дрогнуло.

— Меня редко так жестко обвиняли в том, что я пришел на помощь.

— Но он прав, — поддержала Ясна. — Ваше появление слишком своевременно.

— На это есть простой ответ. — Зеленокожий кивнул на девочку. — Лориета видит будущее.

Ясна нахмурилась. На вид девочке было лет десять, может, двенадцать. Черные волосы, медная кожа — почти гердазийка, но без кристальных ногтей. Когда все уставились на нее, Лориета отвела взгляд.

— Все легенды, которые я читала, утверждают, что видеть будущее — это плохо.

— Я читал то же самое. Тем не менее мы прибыли, и вы оказались здесь.

— Почему? Что она предсказала?

— Только то, что мы встретим людей в беде. Я... изучаю ее способности. Хочу понять, что происходит, когда будущее превращается в настоящее. Теперь мое исследование дало результат, нужно его обдумать.

— Ты спрен? — спросила Ясна.

— Нет. — Старик сделал рукой жест, который она приняла за приветствие. — Меня зовут Хвинн Тивнери. Я историк.

— Бури, еще один, — вздохнул Айвори.

Ясна кивнула в ответ, но жеста Тивнери не повторила.

— А девочка?

— Ей неизвестно, откуда она. Что делает ее возвращение домой довольно затруднительным.

— Она сказала тебе, кто мы?

— Это важно?

— Зависит от того, на чьей ты стороне. — Ясна взглянула на Лориету. — Что ты видела? Кто ты?

Девочка снова отвела взгляд и промолчала.

— Информация — мое оружие. — Ясна старалась говорить ровно. — И владею я им в совершенстве. Но оно бесполезно, если никто не хочет отвечать мне.

Айвори указал на правый борт.

— Спренов гнева больше — стало.

— Я прекрасно знаю почему, — огрызнулась Ясна.

— Наша встреча не случайна, — сказал Тивнери. — Лориета видит не будущее, а возможные версии будущего. По ее словам, в одной из них кому-то должна была понадобиться помощь в Светящихся Отмелях именно в это время. Я предположил, что речь идет о спасении от опасности, и отчасти угадал. Но если нужна информация, лучшего собеседника, чем историк с несколькими веками опыта, тебе не найти. Скажи, что ты хочешь узнать, и я постараюсь помочь.

Ясна обдумала его слова, сохраняя настороженность. Спасение и правда слишком своевременное. С другой стороны, если бы он хотел ее убить — давно бы убил, да и теперь ничего не мешает. Попросить о помощи не страшно, пока она не открывает ни своего имени, ни своих намерений.

— Мне нужно найти перпендикулярность. Нам необходимо как можно скорее вернуться на Рошар. — Ясна сделала паузу. — Перпендикулярность — это место перехода между мирами.

— Я в курсе.

Ясна вздохнула.

— Разумеется. Ближайшая — у пиков Рогоедов.

— В море Оракулов. — Тивнери кивнул. — Больше месяца пути.

Ясна обвела жестом свою потрепанную ночную сорочку, мешочек с пустыми сферами и окровавленный нож. В душе шевельнулось отчаяние, она отогнала его.

— Нам нечем отплатить за помощь.

— Я предлагаю ее безвозмездно. Я изучаю девочку, а вы — прекрасная возможность, чтобы...

— К Чести, — произнес тихий голосок.

Все посмотрели на Лориету. Она съежилась.

— Что такое, дитя? — мягко спросил Тивнери.

— Можно к Чести поехать, — пробормотала девочка отрывисто, согласные были едва слышны. — Это ближе.

— Перпендикулярность Чести движется, — заметил Айвори. — Нет уверенности, где она — будет... О!

— Бури. — Ясна уставилась на девочку. — Ты можешь видеть будущее.

— Некоторые версии, — прошептала Лориета. — В одной из них пурпенди... деку... то, о чем вы говорили. Она будет в месте под названием Благородная Жертва.

— Где это?

Девочка пожала плечами. Ясна посмотрела на Айвори.

— Судя по названию, город в Шейдсмаре. Но мне незнакомый.

— Место, где принесли жертву? — задумалась Ясна. — Могущественный спрен? Или... кто-то из Вестников?

— Не сомневаюсь, что мы отыщем это место, — сказал Тивнери. — У меня есть кое-какие связи, можно расспросить, если заплывем достаточно далеко.

— Мы торопимся. Насчет перпендикулярности Чести слишком много неизвестных. С пиками Рогоедов у нас есть и план, и маршрут. Идем в море Оракулов, и я вам благодарна.

Хвинн Тивнери повернул руль, лодка заскользила по бусинам. Ясна прислонилась к борту и осторожно потрогала ногу. Буресвета нет, и взять его негде еще несколько недель. Придется потерпеть.

«Главное, найти его раньше, чем рана загноится».

Она взглянула на Айвори, потом на Тивнери.

— Сколько буресвета в парусе?

— Сколько чего?

— Буресвета. Он сияет... — Она запнулась.

«Я его не ощущаю, но что еще это может быть? Незачем без нужды говорить, что я умею им пользоваться».

Она наметила стратегию и продолжила:

— Спрены притягиваются к нему. Именно поэтому за нами следует все больше спренов гнева. Скоро и другие спрены почуют.

— Больше спренов гнева — не поэтому, — сказал Айвори.

— Знаю, — отрезала Ясна. — Просто хочу оценить опасность.

— А, буресвет! — Тивнери поудобнее перехватил руль. — Я не был уверен, что правильно расслышал. Это слово мне все еще в новинку.

— Что ты имеешь...

— Парус не использует буресвет. Он ловит Течение.

Ясна застыла, соображая, с какого открытия начать. Как старик может не знать о буресвете? И что за течение? Она выбрала второе.

— Все корабли, которые я видела в Шейдсмаре, тянут спрены. Ветра нет, бусины не дают движущей силы, только едва заметное смещение. Что за течение ловит парус?

— Течение с заглавной буквы, — ответил Тивнери. — Ты похожа на ученого. Неужели о нем не слышала?

— Расскажи.

От перспективы научной беседы пульс у нее учащался даже в смертельной опасности, даже с кровоточащей раной. Может, Течение — его слово для буресвета, отсюда и путаница?

— Мне очень интересно тебя послушать.

Айвори присел рядом.

— Сначала отдохни. Опасность — еще есть.

— Тем более нужно держаться настороже. Мне нужно вернуться в физическую реальность, пока мои знания еще могут помочь семье.

— Я не об этом. Опасность — сейчас. Спрены гнева — еще преследуют. Нога будет меньшей из твоих ран.

Ясна глянула за правый борт: тройка спренов гнева держалась вдали, но не отставала. Допрос Тивнери подождет.

— Айвори, ты ведь знаешь, что я не сержусь на тебя? Я злюсь на ситуацию, но не на тебя. У них нет причин нас преследовать.

— Но преследование — есть, значит, причина — есть. — Он склонил голову. — Кто тебя злит?

Ясна кивнула на Тивнери и Лориету.

— Откуда ты знаешь, что дело не в них?

— Твоя хмурость — буквально.

— Значит, точно я? А не девочка, которая злится, что далеко от дома?

— Может, и она, — признал Айвори. — Я ее не знаю. Но тебя — знаю. И твой гнев — есть.

Ясна нахмурилась еще сильнее, потом вздохнула.

— Да, я злюсь. Очень стараюсь не злиться, но... Шаллан, буря ее побери! Я выстраивала план! Но нет, ей нужно было влезть, воспользоваться силами, которыми она едва управляет, чтобы сделать то, чего не понимает. Теперь мы застряли здесь, а она, может, уже на дне морском. Вместе с моими книгами, заметками, даль-перьями, контактами, охраной и деньгами. Мы ведем войну, а война — это солдаты и стратегия, а не глупости взбалмошного ребенка.

— Она не ребенок.

— Тем больше причин пользоваться своей шквальной головой!

Злость жгла изнутри. Ясна глубоко вздохнула и глянула на спренов гнева: глаза светятся, хвосты рассекают волны.

— Знаю, нужно успокоиться. Но я имею право злиться: ее глупость грозит обернуться моим личным концом света.

— Дело не в праве. Дело в прощении.

Ясна закрыла глаза.

— Знаю. Просто... дай мне минуту.

Она выбросила разговор из головы, а также заманчивые идеи Тивнери и зловещий дар Лориеты.

«Как их использовать? Что я могу... Нет. Сначала разобраться. Планы потом».

Она очистила разум и позволила эмоциям подняться на поверхность. Эмоции нельзя обдумать, их нужно прочувствовать. Она выделила раздражение, тревогу — и да, страх тоже. Дала им проявиться, прислушалась и двинулась дальше. В глубине души и правда таился гнев. Не на Айвори, а на то, что он оказался прав. Злиться на Шаллан не за что.

«Она порывистая и необученная, а в тот момент испугалась и осталась одна. Услышала, как меня убивают, может, даже увидела. Решила, что на помощь никто не придет, и сделала единственное, что пришло в голову. И надо признать, додумалась растворить корабль. Я и прежде знала, что она сильная. Смекалка — еще ценнее».

— Шаллан, — прошептала она. — Я прощаю тебя.

Спрены гнева сбавили ход, но не остановились.

Ясну одолела усталость.

— Мне нужно отдохнуть. Присмотришь за этими двумя?

— За стариком и девочкой? Они тебе не навредят.

— Мы только что видели, как ребенок растворил целый корабль. Принимай все угрозы всерьез и разбуди, если понадоблюсь.

Айвори отдал шутовской салют.

— Бдительность моя — есть.

***

За считанные дни Ясна прибрала командование к рукам. Тивнери проникся к ней доверием, и вместе они набросали на внутренней стороне лодки вполне сносную карту, совместив Шейдсмар и Рошар. Светящиеся отмели соответствовали Мерзлым землям, море Павших над ними — южной оконечности Алеткара. То, что она знала как море Копий, на этой стороне оказалось островом Селебрант, а портовый город Каранак примерно соответствовал шейдсмарскому анклаву Угольная Тьма, хотя Тивнери настаивал, что тот расположен гораздо восточнее, на речном рукаве суши, а не на отмелях залива Меван. По его словам, Шейдсмар он исколесил вдоль и поперек, но о Рошаре почти ничего не знал, кроме того, что успел увидеть в какой-то глуши.

За последнюю неделю они оторвались от первых спренов гнева, привлекли двух новых и оторвались от них тоже. Ясна успела обзавестись нормальной одеждой — красивым платьем с настоящим защищенным рукавом и всем, чем полагается. Правда, раздобыла она его не совсем законным путем и очень рассчитывала больше никогда не встретить того торговца.

Лориета тоже оттаяла, пусть и говорила куда меньше Тивнери. О доме она рассказывала неохотно, а те скудные подробности, что случайно обронила, — верховые животные на двух ногах, люди с огромными рогами на головах — не вязались ни с одним известным уголком Рошара. Похоже, у самой Лориеты тоже были крошечные рожки, но Ясна решила сначала расположить к себе девочку, а потом уже спрашивать.

Другое дело — непостижимые обрывки снов. Их Лориета пересказывала безо всякого стеснения и с пугающей частотой.

— Однажды ты окажешься на другой лодке. Только она гораздо больше, и тебя на ней не будет.

— Ты заколешь друга в горло.

И пожалуй, самое жуткое:

— Твой брат будет как я, но он будет лишь наполовину, когда это случится.

Ясна предпочла о таком не думать. Элокар… заблудится в Шейдсмаре? Начнет видеть будущее? Будет разрублен пополам? Он ей нужен в других местах, занятый другими делами и уж точно целый и невредимый.

Через несколько недель пути Лориета поделилась сном, который перевернул все планы Ясны:

— Мы умрем в Угольной Тьме.

Айвори бросил взгляд на Ясну и крепче сжал рукоять меча.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она. — Что нас убьет?

Лориета пожала плечами и отвела взгляд.

— Скажи, дитя, — произнес Тивнери. — Это сон о том, что будет, или о том, что может быть?

— О том, что будет. — Лориета принялась играть с куклой, сшитой из обрывков паруса. — Но только если мы туда отправимся.

— Значит, о том, что может быть, — заключила Ясна. — Нужно научить тебя правильно выражать мысли.

— Смена курса нас задержит, но ненадолго, — сказал Тивнери. — Мы довольно далеко забрались в Стеклянные глубины. Придется возвращаться…

— Вокруг суши, образующей реку Смертобегунью, — подсказала Ясна, сверяясь с картой.

— Но не до самого конца. — Тивнери начал разворачивать лодку. — Если взять курс на Южный канал Павших, пройдем мимо Селебранта и выйдем в открытое море. Но это займет время.

— То есть, если рискнуть и идти через Угольную Тьму, мы выиграем время.

— И умрем, — сказал Айвори.

— Это не точно, — возразила Ясна.

Лориета водила куклой по полу.

— Точно.

— Прекрасно. — Ясна закатила глаза. — И что именно нас убьет?

— Не знаю. Эта часть сна каждый раз меняется.

— Разумеется.

Невыносимо, насколько неполная информация у этой девочки. Ясна посмотрела на Айвори.

— Наш навигатор — ребенок, который видит будущее. Придется, наверное, привыкать, раз уж Сияющие возвращаются. Мы вступаем в эпоху чудес.

— Хвала Чести, — сказал Айвори.

Тивнери склонил голову набок.

— Ваш мир давно живет без чудес?

Ясна медленно повернулась к нему.

— Что значит «ваш мир»?

— Рошар — обратная сторона этого участка Шейдсмара. Я побывал там лишь раз, но видел то, что у нас назвали бы чудесами. Буря, изливающая чистую инвеституру? Меч, способный появляться из ниоткуда и рассекать камень?

— Великая буря — самое будничное явление для всего живого на Рошаре. — Ясна прищурилась. — Откуда ты родом?

— Я родом из мира под названием Реллам, — торжественно ответил Тивнери.

— Из мира?

— Такого же, как ваш Рошар, связанного через когнитивную реальность. Я приплыл сюда.

Ясна покачала головой.

— Приплыл, значит.

— Когнитивная реальность, которую вы называете Шейдсмаром, связывает все миры. Мы называем их Космером. Я путешествовал между ними, записывая увиденное, когда наткнулся на Лориету. Она придала моему странствию... смысл.

Ясна изумилась, но тут же усомнилась.

— Из какого она мира?

— Я же говорил, она не знает.

— Я думала, ты имеешь в виду, что она не помнит название своего города, а не целого мира! — Ясна не могла усидеть на месте и принялась расхаживать по лодке. — Этого не может быть.

— Правда эта — есть, — сказал Айвори.

— Что?

— Другие миры — есть.

Ясну словно окатили холодной водой.

«Другие миры...»

Что это значит? И какие последствия имеет для ее жизни, ее дома, Чести, войны и пустоносцев? Голова шла кругом, но ощущение было знакомым. Каждый ученый должен быть готов переписать всю свою картину мира, если новая истина ее опровергает. Ясна делала это прежде и может сделать снова. Мысленно перестроив факты, она поместила «множество других миров» в центр и поняла: да, это порождает новые, тревожные вопросы, но также отвечает на несколько старых. Эти мысли пока можно отложить и вернуться к ним при менее отчаянных обстоятельствах.

— Если есть другие миры, мы можем их использовать. Наверняка Честь и его враги простирают свое влияние за пределы Рошара. Другие миры столкнутся с той же проблемой. Мы можем обратиться к ним за помощью.

Тивнери покачал головой.

— Могу заверить: по крайней мере в Релламе ничего не известно о существе, которое ты называешь Честью.

— Значит, хоть один разумный мир все же нашелся.

— В Релламе нет богов. Я не знал этого понятия, даже слова такого, пока не начал путешествовать по Космеру.

Ясна нахмурилась, но отложила и этот вопрос.

— Но «чудеса» у вас есть? Люди с особыми способностями, выходящими за рамки обычного?

— В каждом мире — есть, — сказал Айвори.

— Я не тебя спрашивала. Я все еще злюсь на тебя за то, что не рассказал мне обо всем раньше.

— Ты бы отвлеклась. Я старался не допустить.

— Что значит «отвлеклась», если это может спасти мой народ!

— Время — будет. Ты едва умеешь перемещаться в этом мире. Вернуться не можешь. Сначала освой свои силы, тогда я скажу больше правды.

Ясна сосредоточилась на Тивнери.

— Ты можешь помочь нам в войне.

— Реллам вряд ли окажется полезен, — отозвался Тивнери. — Наши способности — природа нашей инвеституры, если использовать твое слово, —

повреждены. Мы считаем это проклятием. Мне не приходило в голову, что инвеститура может быть благом, пока я не открыл другие миры.

— Ни богов, ни инвеституры. — Ясна бросила взгляд на Айвори. — Вот почему я еретичка. Что за боги бросают целый мир?

Тивнери пожал плечами.

— Это один из ответов, которые я ищу. Но миры с богами и магией действительно существуют и могут оказаться полезнее моего.

Мысли теснились в голове — тихие, оглушительные, коварные. Другие миры. Логично, что они существуют, но вдруг получить к ним доступ? Дотянуться, говорить с ними, просить о помощи? Умножить свои силы в пять, десять, а то и в сто раз? Тивнери в одночасье превратился из «полезного незнакомца» в «жизненно важный ресурс». Пожалуй, самое мощное оружие, которое она или кто-либо другой нашел в этой войне.

На душе было неспокойно. Тивнери спас ее, помогал, стал другом. Неужели она может думать о нем как об оружии? Как о ресурсе, а не о человеке? Да, люди могут быть ресурсом, но от этого не легче.

«Мне не по себе, потому что я вижу, к чему все идет. Необходимо взять его с собой на Рошар. Он не захочет. Но он и его знания слишком ценные».

Однако такова ее роль — делать непростой выбор, на который неспособны те, кто позволяет эмоциям брать верх, и спасать мир, при необходимости становясь злодейкой.

Ясна приняла решение.

— Я даю тебе шанс отправиться со мной добровольно.

Тивнери моргнул.

— Прошу прощения?

— Отправиться на Рошар и научить нас всему, что ты знаешь: что представляют собой эти другие миры, что им известно и как с ними говорить и путешествовать между ними.

— Боюсь, у меня есть другие дела...

— Это не обсуждается, — твердо сказала она. — Ты можешь лишь выбрать, отправиться добровольно или нет.

— А если я откажусь?

— Ты предложил мне знания. Я принимаю твое предложение. Разговор окончен. Мне нужно доставить срочное сообщение, а по дороге ты будешь учить меня всему, что знаешь.

Тивнери впервые выглядел растерянным.

— Но у меня...

— Я веду войну за выживание своего вида. Войну, которая вырвется за пределы Рошара и поглотит все миры, в которых ты побывал. Это важнее любых твоих дел. Правь лодкой, не отвлекайся.

Айвори поднял меч. Ясна отвела взгляд от лица Тивнери, на котором читалась горечь от ее предательства, и сосредоточилась на своей ноге — красной, воспаленной.

— Ты устала? — тихо спросила Лориета.

— Нет. Просто... ненавижу хромать.

— Не переживай. — Лориета снова взялась за куклу. — Вторая нога скоро будет такой же.

***

Прошло еще несколько недель, прежде чем они добрались до впадины Салаваши — глубокого разлома в море бусин, соответствующего горному хребту Солнцетворца.

— До пиков Рогоедов рукой подать, — сказал Тивнери. — Неделя-другая.

— Лишь бы без захода в очередной город. — Ясна выдрала обсидиановый осколок из корпуса. — Мы так и не залатали все после Селебранта.

Платье на ней было изорвано, обгоревшая перчатка и ожог на щеке довершали картину.

— Мы задержимся, — сказала Лориета.

— Что на этот раз? Уже была уличная банда, продажный сборщик налогов, взбесившийся информо и... — Ясна вытащила еще один осколок. — Сколько спренов гнева? Я сбилась со счета.

— Ничего такого, что можно победить, — ответила Лориета. — Просто ветер.

— В Шейдсмаре ветра — нет, — начал Айвори и осекся.

В тот же миг Ясна почувствовала еле заметное дуновение.

— В Шейдсмаре ветра не должно быть, — уточнил Тивнери.

— А он есть.

Ясна вытянула руку, и новый порыв прошелся по пальцам.

— В когнитивной реальности нет ветра, потому что это результат воздействия тепла на воздух. Ни тепла, ни воздуха здесь нет. — Она повернулась на запад, к ветру. — Откуда он взялся?

Айвори указал вперед.

— Существа тоже — есть.

Ясна прищурилась.

— У тебя зрение лучше моего.

— Похоже на... — Тивнери покачал головой. — Не знаю. На главаря той банды из Селебранта, только... чудовищного.

— Паршенди, — поняла Ясна.

— Пустоносцы. — Айвори сплюнул. — Теперь вижу. Их сотни.

— Тысячи, — сказал Тивнери.

— Что это значит? — спросила Ясна.

Лодку закачало, Тивнери навалился на руль.

— Ветер крепчает, нас сносит. Боюсь, вперед не пробиться.

Ясна обернулась.

— Твой парус ведь не зависит от ветра.

— Он на него не полагается, — уточнил Тивнери, — но парус есть парус. Ловит ветер, как любой другой.

Ясна подняла голову: парус вздулся в обратном направлении. Ветер боролся с Течением, которое она по-прежнему не понимала. Лодку крутило и дергало в разные стороны. Она посмотрела на Лориету.

— Столько видений, и ты не увидела это?

Девочка выглядела пришибленной.

— Я думала, это просто ветер.

— Не знаю, какой ветер у тебя дома, но у нас это сущее бедствие, — крикнула Ясна сквозь нарастающий гул. — Очень похоже на настоящую великую бурю, а не на ее отражение в Шейдсмаре.

Она попробовала втянуть буресвет — ничего.

— Свет — не тот. Не буресвет. — Айвори присел и ухватился за борт. — Пустотный свет.

Ясна опустилась рядом.

— Что такое пустотный свет?

— Противоположность. Темное зеркало.

— Что-то вроде… шейдсмарской версии буресвета?

— Что-то вроде злой версии буресвета. Он рожден из жестокости и злобы. Его здесь быть не должно. Не должно быть.

— И все же он здесь, у самых пиков Рогоедов. Это не совпадение. Пустоносцы собирают армию и поднимают собственную бурю. Они воспользуются перпендикулярностью, прорвутся на Рошар и пройдут по нему, как серп по полю.

— Буря бурь, — прошептал Айвори.

Ясна никогда не слышала этого названия, но содрогнулась от страха в голосе спрена.

— Свернем на север? — предложила она.

— Попробуем. — Тивнери потянул руль, и лодка рванула в нужном направлении.

— Отлично. — Айвори указал вперед. — Больше спренов гнева — есть.

— Преисподняя! — Ясна видела, как они плывут сквозь бусины, нимало не заботясь о ветре. — Если увижу еще одного шквального спрена гнева, я закричу.

— Вряд ли поможет.

— Мне больше нравилось, когда ты не знал, что такое сарказм.

— Это мое любимое человеческое изобретение.

— Ни вперед, ни назад нам дороги нет, — крикнула Ясна Тивнери. — Пробуй восток, посмотрим, что там.

— То же самое, — сказала Лориета. — Только позже.

Парус без толку хлопал в окружающем хаосе, но Тивнери навалился на руль и разворачивал лодку, пока они не поймали ветер и не помчались на восток, прочь от спренов гнева. Ясна с Лориетой перебрасывали парус.

— Я был бы признателен, если бы ты утихомирила свой гнев, — сказал Тивнери.

Ясна взглянула на него с удивлением: за все время их знакомства это был самый острый его выпад.

— Ты и сам не слишком спокоен.

— Я слишком стар для гнева.

— Я тащу тебя на Рошар силой. Фактически похитила.

— От этого мне горько. Я чувствую себя преданным и разочарованным. Но на ярость сил нет.

— Мне жаль, но я обречена на решения, которые никто другой не осмеливается принимать. Это решение правильное.

Лодка дернулась, как необъезженная лошадь.

— И никакой гнев не уляжется посреди Бури бурь, чем бы она ни была.

Ясна поморщилась.

«Нужен план, именно так я справляюсь с любой проблемой. Тщательно просчитываю все аспекты и исходы, пока точно не пойму, где надавить, где срезать и куда и сколько приложить силы».

Она не любила оставлять все на волю случая, но что поделать? Случай и отчаяние — или смерть.

Ясна глянула на красные глаза спренов гнева, прикидывая расстояние и скорость. За время плавания она стала настоящим знатоком, но то ли эти двигались быстрее, то ли лодка шла медленнее. Она произвела расчеты и ткнула пальцем в грубую карту.

— Великая буря движется на запад, значит, ее злой двойник — на восток. Отправимся на юг, в обход. Пропустим ее и зайдем с тыла.

Тивнери кивнул.

— Ты капитан.

— Поверь, меня это радует не больше, чем тебя.

***

Буря бурь миновала, но хаос никуда не делся: ветер дул с непредсказуемых сторон, пустоносцы рыскали в небе, спренов гнева становилось только больше. Они появлялись на каждом клочке суши, плыли в каждой волне. Избавишься от одного — вынырнут двое. Казалось, все спрены гнева в Шейдсмаре охотятся именно за Ясной.

Это приводило ее в ярость.

Она не была дурой и знала, что злится, но не хватало ни времени, ни душевных сил разбираться, если не считать очевидного: за ней охотятся чудовища. Очевидные ответы ей не нравились, поскольку редко бывали верными. В самой глубине сердца таился корень гнева, отравляющий каждую мысль и каждый разговор. При любом удобном случае она тыкала в него, ища зацепки, слабину, хоть какой-то отклик.

В конце концов ее терпение лопнуло.

— Мы недалеко от истока Камнеточной. — Ясна ткнула в карту, не теряя из виду новых преследователей. — Идем туда. Сейчас же.

— Нас догонят, — сказал Тивнери.

— Именно.

— Ты... — произнес Айвори. — Что?

— Мы встретим их лицом к лицу, — сказала Ясна. — Хватит с меня видений. Будущее мы пишем сами. Я хочу написать его у истока Камнеточной.

Айвори фыркнул.

— Чтобы умереть на твердой земле?

— Чтобы сражаться на ней.

— Мы проиграем, — сказал Тивнери.

— Мы уже проигрываем, — возразила Ясна. — Давайте покончим с этим, буря их всех побери.

— Мы умрем...

— С каждым разом они все ближе! Нанеси наши чудесные спасения на график и увидишь: мы так стремительно приближаемся к концу, что бумага дымится. Нам не убежать. Нас настигнут. Лучшее, что остается, — принять бой на своих условиях. — Она оглянулась на красные глаза. — Кроме того, я все время пытаюсь думать об эмоции. Убегаю от гнева в самом буквальном смысле, и это не помогает. Пора его прочувствовать.

— Это как когти, — сказал Айвори. — И окровавленные зубы.

— Лориета, ты когда-нибудь видела, как мы умираем на узкой полоске суши? — спросила Ясна.

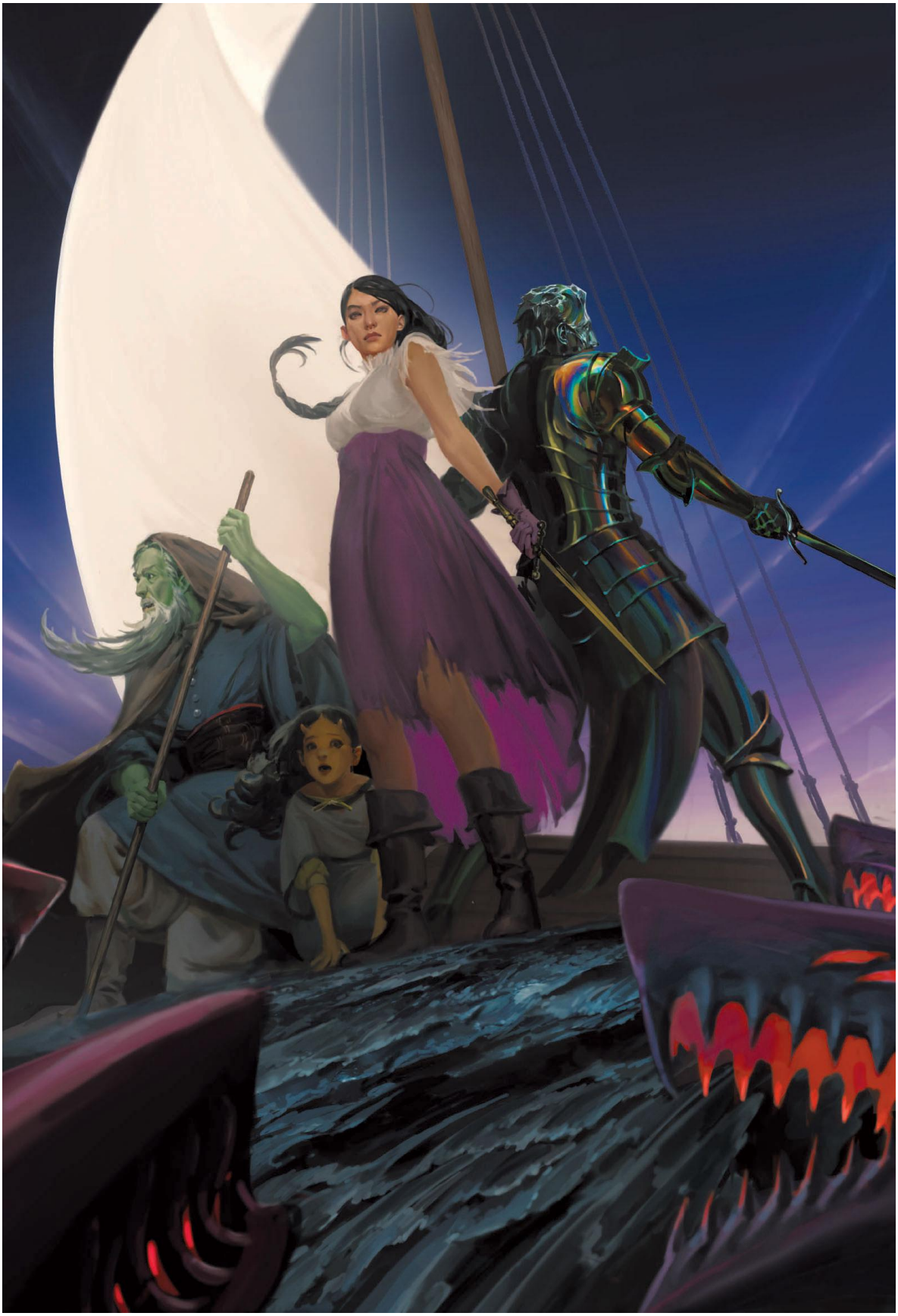
— Я видела, как мы умираем везде, — шепнула та.

Ясна поежилась, представив, в каком бесконечном страхе живет девочка.

— Страх — это хорошо, — прошептала она в ответ. — Страх означает, что еще ничего не случилось. Мы можем все изменить.

Лориета промолчала.

Тивнери понаблюдал за Ясной и рванул руль влево. Лодка понеслась по бусинам к крошечному обсидиановому языку. На Рошаре это, наверное, ручей или родник, а здесь — одинокий голый утес. Как и рассчитывала Ясна, спрены гнева следили за лодкой, а не за тем, куда она направляется. Вместо того чтобы срезать угол и перехватить их, чудовища описали широкий круг. Парусник Тивнери добрался до берега раньше — ненамного, но это решало дело.

— Прыгайте! — крикнула Ясна. — Хватайте весло, нагель, все, чем можно драться.

— Ты обучена сражаться мечом. — Айвори вывалился за борт. — Не корабельными снастями.

Ясна мрачно усмехнулась и вытащила длинный нож, некогда пробивший ей легкое.

— Хорошо, что убийцы мне кое-что оставили.

Лориета спряталась за спиной у Ясны. Тивнери убрал парус, чтобы лодку не унесло, и медленно, даже несмотря на помощь Айвори, перебрался на берег последним. В руках у него была узловатая трость, а Лориете он вручил длинный конический штырь, который назвал «фид».

— Я не боец, — пропыхтел старик. — Но сделаю все, что смогу.

Первый спрен гнева достиг берега и полез вверх, оставляя когтями борозды в обсидиане. Айвори прыгнул ему навстречу и ударил в раскрытую пасть. Гамбит удался: спрен скатился обратно в бусины. Второй выскочил из моря и клацнул зубами у самого лица чернильного спрена, промахнувшись всего на волосок.

Ясна подбежала и полоснула чудовище, с безупречной точностью попав в незащищенный коленный сустав. Женщинам фехтование не преподавали, оно считалось уделом исключительно мужчин, но чернильные спрены — непревзойденные мастера. Ясна тренировалась с Айвори шесть лет. Клинок в ее руках был продолжением тела.

Она полагалась на скорость и обманные движения, уклонялась от ударов и при возможности сама делала выпады. Два, три, четыре попадания — ни одно не замедлило спрена гнева и не уняло его ярость. Ясна ушла от очередной атаки, но не угадала с моментом. Спрен ударом свалил ее на землю.

Айвори прыгнул перед ней, размахивая мечом и перетягивая внимание чудовища на себя. Тивнери ударил тростью по второму спрену и охнул, когда дерево врезалось в панцирь. Ясна посмотрела на левую ногу: из глубокого пореза текла кровь. Две раны, по одной на каждой ноге.

— Я же говорила, — прошептала Лориета.

— Сделай что-нибудь, — взмолилась Ясна.

Девочка выскочила вперед, положила фид на землю у обсидианового обрыва и съежилась рядом с Ясной.

Та оторопела.

— И все?

— Мне одиннадцать лет.

Спрен гнева сбил Тивнери с ног. Ясне показалось, что хрустнули кости. Спрен повернулся к ней, прыгнул вперед... поскользнулся на фиде Лориеты и, потеряв равновесие, рухнул в море.

— Это был мой единственный трюк, — сказала Лориета. — Теперь нам конец.

Ясна сжала руку девочки. Спрен гнева, барахатясь, уже выбирался из бусин. Айвори сдерживал второго, истекая черной кровью из полудюжины ран. Тивнери слабо пытался доползти до укрытия, но мешала боль. Не боец, как и говорил, а историк. Он хотел спасти свой мир и отчаянно жаждал знаний, но оказался в чужой стихии. Искал по всему Космеру объяснение богу, в которого не верил, и таскал за собой ребенка с силой, которую та не могла постичь. Искал в прошлом намеки на будущее.

«Это же я, — подумала Ясна. — Разница лишь в том, что он помог чужому человеку, а я предала».

В тот момент Ясна все поняла. Она злилась не на Шаллан, не на Айвори и даже не на спренов гнева. Она злилась на себя.

«Шаллан уничтожила корабль, но я не обучила ее этим силам. Слишком долго скрывала правду, думала, что она не готова. Я была слишком занята планами и никогда не доводила их до конца.

Ради исполнения очередного плана я взяла Тивнери в плен, навязав свою волю и своего вооруженного спутника. Этот план я еще даже не составила. Возможный план о знаниях, которые, возможно, понадобятся, и о людях, которые, возможно, помогут. Только потому, что он знает то, чего не знаю я, а я уверена, что конец моего мира важнее конца его мира.

Я знаю ответы, хотя бы некоторые, потому что учусь и планирую. Но я никому не рассказывала, что знаю, поскольку думала: не поверят. Потому что уже пробовала и меня нарекли еретичкой. Потому что, скрывая правду, убеждаю себя, что это не моя вина, а вина всех остальных: они идиоты. Конечно, я планировала рассказать. Все всем рассказать.

Но не сделала это, а теперь слишком поздно. Я медлила и винила других, и единственное, чего добилась, — это своей гибели и гибели лучшего друга на забытой скале в мире, который едва реален.

Я злюсь, я в ярости на себя».

Откровение скользнуло в разум, и все встало на свои места. Это ее вина, что она в ловушке. Ее вина, что Айвори, Тивнери и Лориета в ловушке. Она знала — всегда знала, — но не хотела облекать в слова. Не хотела, чтобы это оказалось правдой.

Ясна поняла, что делать дальше: перестать планировать и начать действовать. И прямо сейчас лучшее действие — простить… себя.

Она закрыла глаза и подумала о людях, которых не учила, которым не доверяла, которых не воспринимала как людей. Она вспомнила об ошибках, которые совершила, о вреде, который причинила, и все отпустила.

«Это меня не оправдывает, но найти оправдание легче, когда не казнишь себя за ошибки. Я прощаю себя».

Она открыла глаза. Над павшим Айвори склонился спрен гнева. Лориета из последних сил тянула Тивнери прочь от второго спрена, ползущего обратно на берег. Боль в собственной ноге, окровавленной и почти неподвижной, не давала подняться.

Вдруг спрены гнева замерли и подняли головы, будто принюхиваясь. И ничего не нашли. Светящиеся глаза потускнели, хитин на мордах стал плоским и темным. Голод стих.

Помедлив, они скользнули в море.

Ясна подползла к Тивнери и помогла ему сесть.

— Кажется, нога, — выдохнул он. — Я думал, ребра, но только нога.

— Я тоже так подумала.

Ясна достала из кармана тряпку — ту, что он дал ей в самый первый день, — и перевязала его кровоточащую руку.

— Хорошо, что все не настолько плохо.

— Лориета… — позвал Тивнери, но тут же зашелся кашлем.

— Займись лодкой, — договорила за него Ясна и добавила: — Как только она перестанет болтаться, мы с Айвори поможем Тивнери.

Девочка побежала к лодке, перепрыгнула через зазор между бортом и берегом и бросила веревку Айвори. Они с Ясной помогли морщащемуся от боли Тивнери добраться до скамьи у руля.

Потом Ясна выбралась обратно на берег, Айвори последовал за ней.

— Куда дальше? — спросил Тивнери.

— Куда захочешь. У тебя есть связи в Шейдсмаре. Может, кто-нибудь умеет вправлять переломы.

— Ты не… — Старик нахмурился. — Ты не берешь меня на Рошар?

— Я была неправа. Думала, мои проблемы важнее твоих. Надеюсь, ты меня простишь.

— А как же мое исследование, мои секреты? Я почти ничего не рассказал тебе о Космере.

— Может, когда ты найдешь, что ищешь, то вернешься ко мне и поделишься мудростью.

— С радостью, — улыбнулся Тивнери и бросил на берег небольшой кожаный мешок. — Не забудь свои... памятные вещички.

— Куда я без них.

— Лориета, ставь парус. Пора в путь.

Девочка взялась за парус и закрепила его. Лодка тронулась. Лориета застенчиво помахала рукой. Ясна помахала в ответ и улыбнулась впервые за... очень, очень долгое время.

— Какой теперь план? — спросил Айвори. — Лодки — нет. Скорости — нет. Пути к перпендикулярности — совсем нет. Что мы...

На обсидиане рядом с ними вдруг вспыхнул яркий, резкий свет. Он становился все сильнее, Ясна даже прикрыла глаза руками. Когда свет угас, они увидели портал.

По ту сторону ждали камни и камнепочки Рошара.

— Перпендикулярность Чести, — прошептал Айвори, потом глянул на Ясну и рассмеялся. — В месте под названием Благородная Жертва.

— Я отказалась от целой вселенной знаний. Это все равно что вырвать собственное бьющееся сердце. Видимо, теперь это место так и называется.

Айвори повел ее к порталу.

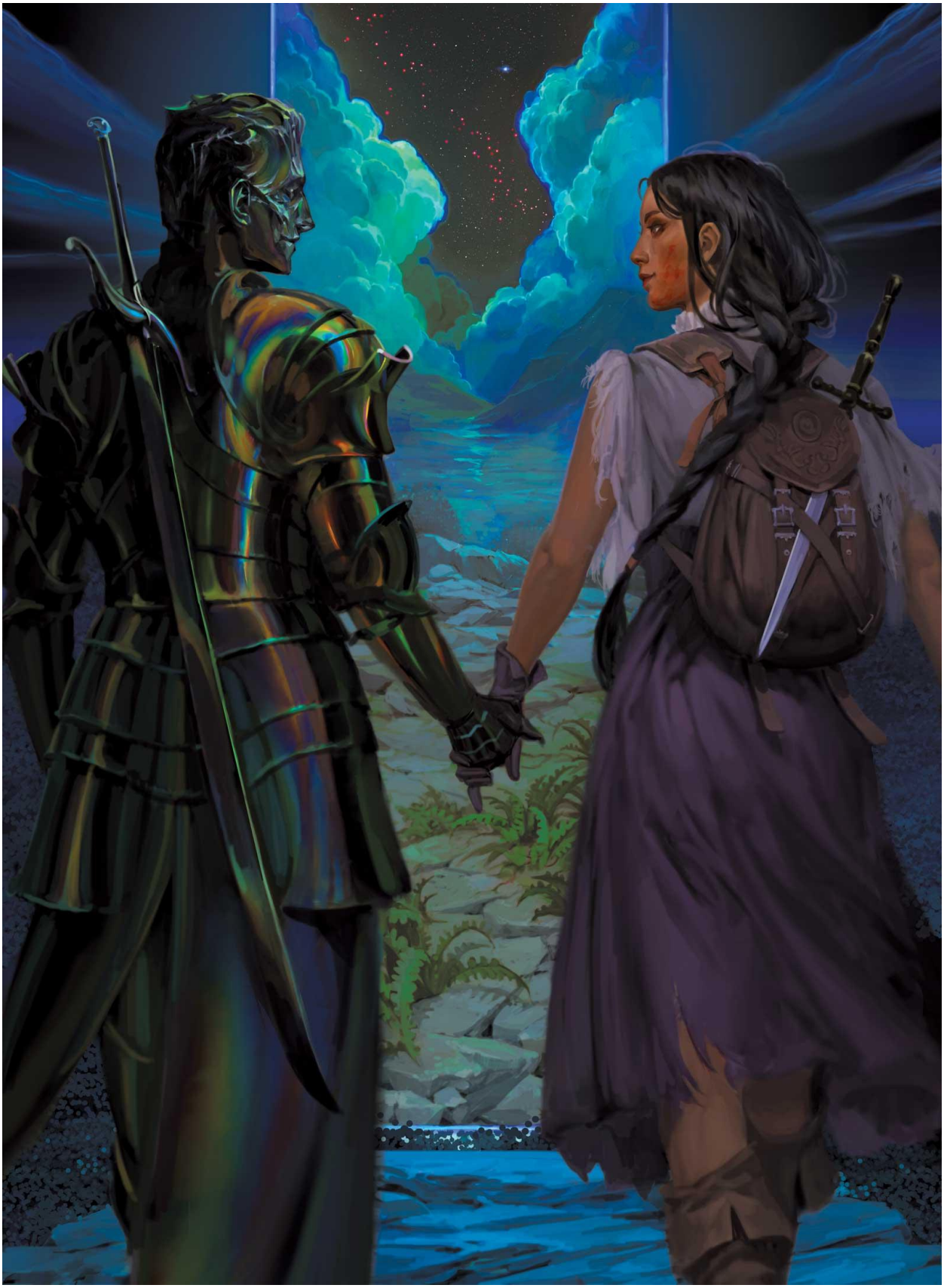
— Ты знала, что так будет?

— Понятия не имела. Наверное, поэтому и сработало. — Ясна закинула мешок на плечо и взяла Айвори за руку. — Ты очень хороший друг.

— Ты тоже.

Опираясь друг на друга, они шагнули в портал. На той стороне Айвори сжался, превратился в чернильную кляксу и затерялся среди пятен и разводов на подоле ее платья. Портал за ними закрылся. Ясна подставила лицо солнцу. Перпендикулярность зарядила ее сферы. Она втянула достаточно буресвета, чтобы исцелить ногу, и застонала от восхитительного ощущения: как же здорово снова быть целой.

«Теперь мне только нужно понять...»

Вдруг она увидела Шута. Тот скалился, как дурак. Ясна вскинула руку, призвала Айвори в виде длинного тонкого клинка и уперлась острием безумцу в горло.

— Как ты меня нашел?

— От тебя на той стороне было довольно много шума. Прошло немало времени с тех пор, как спренам приходилось иметь дело с кем-то живым, да еще и таким требовательным, как ты.

Ясна придвинула осколочный клинок еще плотнее к его шее:

— Шут, скажи мне, что тебе известно.

Он рассказал о множестве самых разных вещей, шагая рядом с ней по дороге домой. К вечеру у него кончились бессмысленные шутки, а может, он просто устал от них. Главное, он замолчал. Ясна жарила камнепочку над небольшим костерком, пока та не лопнула, источая восхитительный аромат. Довольно странно есть камнепочку оставшимся от убийц ножом, но Ясна была так голодна, что почувствовала странность, лишь расправившись с половиной. Пожав плечами, она доела остатки.

Ясна смотрела на звезды и думала о других мирах, про которые рассказывал Тивнери: Релламе, Скадриале и прочих. Возможно, она больше никогда не найдет эти знания.

— Скажите мне, что вам известно, — шепнула она звездам.

— Однажды я провел уйму времени в шкуре говорящего желтого медведя, — подал голос Шут.

— Я не к тебе обращалась.

— Жаль. Я мог бы ответить и по-человечески, и по-медвежьи.

— И что же такое медведь? — Веки слипались, и Ясна позволила себе подыграть ему.

— Существо, которое водится в других мирах.

Ясна резко села, едва не потянув мышцу.

— Что тебе известно о других мирах?

— Почти все. — Шут расплылся в своей невыносимой ухмылке. — И, думаю, давно пора рассказать о них и тебе.

О соавторе

Дэн Уэллс пишет хорроры, научную фантастику и фэнтези. Его перу принадлежат такие бестселлеры, как цикл «Партиалы», цикл «Хроники зеро», а также цикл «Я не серийный убийца», который лег в основу одноименного фильма. Дэн живет в Юте вместе с женой, шестью детьми, двумя собаками и коллекцией из пятисот настольных игр.

Об иллюстраторе

Эрион Макуо — иллюстратор в жанре фэнтези из Шотландии. Получив диплом лингвиста, она все же предпочла связать свою жизнь с красками, кистями и портретами. Эрион работает преимущественно в цифровом формате и любит изображать сложные многофигурные композиции на фоне фантастических пейзажей.